

Они поднялись на крышу. Ли Мэй, мать Янь Жаня, всё так же сидела на скамье в беседке. В густых сумерках её полноватая фигура казалась на удивление хрупкой и незащищённой.

Янь Жань подошёл ближе и тихо позвал:

— Мам, уже поздно. Пойдём домой.

Ли Мэй словно очнулась от тяжелого забытья. Она подняла голову: сын смотрел на неё с мягкой, искренней тревогой. Пусть Янь Жань никогда не хватал звёзд с неба и считался «неудачником», он всегда оставался чутким и послушным ребёнком.

Сердце матери болезненно сжалось. Она порывисто обняла сына. Янь Жаню оставалось лишь покорно замереть в её объятиях, украдкой поглядывая на Сяо Цзичуна, стоявшего неподалёку.

Цзичун, видимо, не желая смущать его этой сценой, уже отвернулся и скрылся за пышным кустом османтуса.

Когда Янь Жань наконец увёл мать домой, Сяо Цзичун смог выйти из своего укрытия, запереть дверь на чердак и вернуться в квартиру.

После инцидента с Цао Цзюнем охрану в жилом комплексе усилили. Сяо Цзинжэнь был уверен, что сын всё это время провёл в своей комнате. Увидев сына, он невольно вздрогнул, испугавшись, что тот мог нарваться на неприятности в темноте.

— Ты где был?

Сяо Цзичун с детства отличался феноменальной самодисциплиной, поэтому родители почти не контролировали его — он привык распоряжаться своим временем сам. Резкий окрик отца застал его врасплох.

— На крышу поднимался. Я же говорил тебе, перед тем как выйти, разве нет?

Теперь настала очередь отца смутиться. Сяо Цзинжэнь растерянно моргнул:

— Да? Разве ты говорил?

— Ну конечно, — бросил Цзичун, направляясь в свою комнату. — Пять минут назад. Неужели ты уже забыл?

— Ну и память у меня стала! — Батя беспомощно вздохнул, но тут же добавил вдогонку: — Вечером на улице опасно, не разгуливай где попало.

Цзичун остановился в дверях:

— Какая опасность? Цао Цзюня поймали, он теперь точно не выберется. Да и охрану в районе удвоили — сейчас постороннему в такое время сюда и носа не сунуть.

Видя, что сын рассуждает вполне здраво, Сяо-старший лишь пробормотал:

— Ишь, какой умный выискался... Но мать велела: сидеть дома.

Отец понимал, что его собственный авторитет в глазах сына не слишком велик, поэтому для веса всегда добавлял приставку «мать сказала». Цзичун, как правило, пропускал это мимо ушей. На самом деле он, конечно, ничего отцу не говорил, когда уходил на крышу, но «дырявая голова» родителя была отличным прикрытием — тот даже не осознавал, что сын его попросту водит за нос.

***

Время летело быстро. На пятнадцатый день У Лань сама пришла к Янь Жаню, взяла кровь на анализ и отвезла в лабораторию. Результат был отрицательным. Его родители немного выдохнули, хотя курс препаратов мальчику всё равно пришлось допить до конца.

Из-за этой истории с лечением планы Ли Мэй и Янь Тяньхуа отправить сына на учёбу в столицу провинции пошли прахом. Пережитый ужас настолько подкосил их, что они сдались и согласились на просьбу сына: оставить его в местной Первой средней школе города М.

Первая средняя находилась всего в двух кварталах от Вэйсиньюаня — минут пятнадцать неспешным шагом. Это была старая школа с почти вековой историей. После многочисленных расширений её территория разрослась до нескольких сотен му: учебные корпуса, общежития... Правда, жилья для учителей внутри не было — только дежурные комнаты, поэтому отец Сяо Цзичуна жил в квартире, выделенной по линии жены.

Первая средняя считалась лучшим учебным заведением города и котировалась в провинции, хотя и не могла тягаться со столичными гигантами национального масштаба. Школа делилась на средние и старшие классы. В средние набирали только лучших городских учеников, а в старшие — со всего округа. Около восьмидесяти процентов старшеклассников жили в общежитиях.

Дисциплина здесь была железной, а процент поступивших в вузы — стабильно высоким. Каждый год несколько человек даже дотягивали до планки Цинбэй. Тем не менее, школа страдала от «утечки мозгов»: самые талантливые выпускники средних классов всё равно

старались уехать в столицу.

То, что нынешний лучший ученик города — обладатель «золота» на вступительных — решил не уезжать и остаться в родных стенах, стало для школы настоящим подарком небес.

Дома Сяо-отец уговаривал сына ехать в столицу, но перед школьным руководством пел совсем другие песни:

— Наша школа ничем не хуже столичных! Нам просто не хватало первоклассных учеников. Если Сяо Цзичун останется у нас, он добьётся не меньших высот. Тем более, здесь он будет под моим и материнским присмотром, что пойдёт ему только на пользу.

Вскоре пришла пора зачисления.

В этом году в параллели десятых классов набралось больше тысячи человек, которых распределили по двадцати классам. Первые два назывались «экспериментальными» — туда собрали всю элиту, на которую делалась основная ставка.

Сяо Цзичун, разумеется, попал в первый класс.

К моменту начала занятий Янь Жань закончил месячный курс профилактики. Повторный анализ крови снова показал «отрицательно». ПКП-препараты больше принимать не требовалось, но контрольные обследования должны были продолжаться в течение полугода. Только если через шесть месяцев результат останется прежним, можно будет окончательно закрыть этот вопрос.

***

Первое сентября выдалось ясным и свежим. Списки распределения по классам вывесили на главной аллее школы. Ученики, найдя свои имена, расходились по кабинетам.

В экспериментальных классах собрались лучшие умы со всех округов и уездов. У каждого из этих юных гениев был свой характер и немалая доля гонора.

У всех, кроме Янь Жаня.

Янь Жань не был ни гением, ни гордецом, но каким-то чудом тоже оказался в первом классе. Он прекрасно понимал, что выглядит гадким утёнком в стае лебедей, поэтому старался не отвечивать. Зайдя в класс, он молча забился в самый дальний угол, боясь встретить кого-то из бывших одноклассников — не дай бог кто-то во всеуслышание скажет, что он попал сюда только благодаря связям и деньгам родителей.

На самом деле он и не рвался в экспериментальный класс, но родители всё решили за него, не оставив права на протест. Впрочем, была одна деталь, которая его согревала: Сяо Цзичун тоже был здесь. Янь Жань надеялся, что, учась в одном классе, сможет видеть его каждый день.

Классный руководитель ещё не пришёл. «Творения небес», заполнившие кабинет, рассаживались по местам. В отличие от обычных классов, где ученики всю знакомились, сбивались в кучки и шумно обсуждали каникулы, в экспериментальном царил тишина. Почти каждый сидел в одиночестве: кто-то смотрел в окно, кто-то читал, кто-то исподлобья оценивал будущих конкурентов. Социализация этих ребят интересовала куда меньше, чем собственное «я».

В этой атмосфере отчуждённости Янь Жань окончательно слился с мебелью.

Спустя некоторое время появился Сяо Цзичун. С рюкзаком за плечом он зашёл через заднюю дверь, окинул взглядом ряды и сразу приметил свободное место. Оно было как раз рядом с Янь Жанем. Цзичун подошёл и негромко постучал костяшками пальцев по его парте.

Янь Жань сидел, уткнувшись в учебник математики для десятого класса. Он уже успел разобрать первую главу и даже прикинул решения задач, а сейчас вполголоса зазубривал формулы. Внезапный стук ухоженной кисти по дереву заставил его вздрогнуть. Он поднял голову и встретился с Сяо Цзичуном взглядом.

Сердце Янь Жана испуганно екнуло. От неожиданности он даже забыл поздороваться.

Цзичун улыбнулся:

— Не занято?

Янь Жань лишь покачал головой. Цзичун сбросил рюкзак и сел рядом.

Янь Жань кожей почувствовал исходящее от него живое тепло. Он попытался снова сосредоточиться на математике, но понял, что буквы расплываются перед глазами. В этот миг для него не существовало ничего, кроме Сяо Цзичуна.

Тот мельком взглянул на его учебник и, заметив решённые упражнения, удивился:

— Ты что, уже прошёл первую тему? И все задачи сделал?

Янь Жань мгновенно смутился:

— Это... это учебник моего двоюродного брата. Все записи его.

Цзичун, впрочем, сразу понял, что книга новая, этого семестра, и догадался, что Янь Жань лукавит. Тот, чтобы сменить тему, спросил:

— А ты тоже уже всё просмотрел?

В представлении Янь Жаня — прилежного, но не слишком одарённого ученика — учёба была тяжёлым, монотонным трудом. Он считал, что и Цзичун должен быть таким же: основательным, дисциплинированным, заранее готовящимся к каждому уроку.

— А, я так, просто перелистал, — легко ответил Цзичун. — Не сказал бы, что это подготовка. Тут ничего сложного нет — в школьных олимпиадах по математике за средние классы эти темы разбирают куда глубже.

Янь Жань замолчал, чувствуя, что математика окончательно «не идёт». От безысходности он достал прописи и принялся выводить иероглифы. Цзичун тоже не отличался излишней навязчивостью и, видя, что сосед занят делом, открыл свою книгу.

Янь Жань скосил глаза на обложку. По корешку удалось разобрать название: «1587, год без значимости».

«Ваньли... — туманно подумал Янь Жань. — Кажется, знакомое слово. Девиз правления императора? Из династии Мин?»

Вся его жизнь была гонкой за баллами в рамках школьной программы. На «внеклассное» чтение времени не оставалось, а всё, что не входило в экзаменационные билеты, попросту игнорировалось. Его исторические познания, прямо скажем, оставляли желать лучшего. Родители, вечно занятые на работе, тоже не имели достаточного багажа, чтобы развивать кругозор сына за рамками учебников.

Заметив, что Янь Жань разглядывает книгу, Цзичун пододвинул её ближе:

— Хочешь взглянуть?

От этой внезапной близости Янь Жань снова занервничал и замахал руками:

— Нет-нет, читай сам. Я просто хотел узнать, что за книга.

— А-а, — Сяо Цзичун читал феноменально быстро, страница за страницей. — Называется «1587, год без значимости». Отец велел прочесть. Думаю, чтобы по-настоящему её понять, нужно сначала изучить общую историю Китая, потом историю династии Мин, и только тогда браться за этот труд, иначе легко запутаться. Но папа сказал: «Просто прочти и напиши эссе». Наверное, в моём возрасте в ней сложно до конца разобраться. Впрочем, он говорит, что и в его годы её не каждый поймёт. Так что я просто читаю, не слишком усердствуя в поисках

глубинного смысла.

Янь Жань выдавил короткое «а-а», не зная, что добавить. Всё, что сейчас наговорил Цзичун, звучало для него как китайская грамота. Он лишь неуклюже процитировал:

— «Любить книги, но не искать в них лишь поверхностный смысл...»

Цзичун наконец оторвался от страниц и взглянул на него:

— Ну, для такой литературы поверхностный подход допустим. История, социология — это ведь дисциплины, которые меняются вместе с человечеством. Это цельное знание. Если ты понял лишь кусок, это всё равно что смотреть на леопарда через трубку или ощупывать слона, будучи слепым — как ни старайся, истина ускользнёт. Если только ты не великий мастер, конечно. А вот в физике или математике так нельзя. Там либо понимаешь суть, либо нет.

Янь Жань слушал его с открытым ртом. Он понимал каждое слово, но вместе они образовывали какой-то барьер между ним и миром Сяо Цзичуна. Ему было и понятно, и одновременно бесконечно далеко всё это.

Цзичун, заметив его остекленевший взгляд, спохватился:

— Ой, что-то я разболтался. Это просто папины слова в голове крутятся. Мне пора за дело — он дал мне эту книгу десять дней назад, и если я сегодня не сдам конспект, меня лишат карманных денег на неделю.

Янь Жань вдруг ощутил, что Сяо Цзичун — не такой уж недостижимый и таинственный полубог. Он не удержался и спросил:

— А много тебе дают?

Тут же он понял, что вопрос бестактный, и смутился, ожидая, что его осадят.

Но Цзичун лишь тяжело вздохнул:

— Да сущие гроши. Всего тридцать юаней в неделю. На них толком ничего и не купишь.

Янь Жань оторопел. Тридцать юаней? Это же правда... почти ничего.

— Неужели за первое место в городе тебе даже никакой премии не дали?

Цзичун помрачнел:

— Дали пятьсот юаней. Но мать их сразу отобрала «на хранение».

— Бедолага... — искренне посочувствовал Янь Жань. Движимый благородным порывом, он добавил: — Если тебе что-то очень нужно купить, у меня есть деньги. Могу одолжить.

«И можешь не возвращать», — добавил он про себя.

Цзичун удивленно вскинул брови:

— Да? И сколько ты можешь мне занять?

Неужели он и правда настолько на мели?

— Сколько тебе нужно? — деловито уточнил Янь Жань. — Если речь о суммах больше десяти тысяч, я не смогу отдать всё сразу. Деньги-то у меня есть, но они на маминой карте. Стоит мне снять крупную сумму, ей сразу придёт уведомление.

— Больше десяти тысяч? — Сяо Цзичун едва не выронил книгу. Он взглянул на соседа по-новому: — Ты что, настолько богат?

Цзичун никогда не держал в руках таких денег. Его личные накопления никогда не превышали и тысячи. Каждый раз, когда ему хотелось какую-то мелочь, приходилось месяцами экономить на завтраках.

<http://bllate.org/book/17500/1653376>